

УДК 94 (477)+(438)

Юрій Осик

УКРАИНЦЫ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

У статті досліджується роль українців в русі опору сталінській тоталітарній системі на території Казахстану. Увагу автора привернуло Кенгірське повстання 1954 р.

Ключові слова: Казахстан, українці, Рух опору, репресивна політика, табір.

В своей речи при вступлении на пост Президента Казахстана в декабре 1991 года Н. А. Назарбаев наметил первоочередные меры по реформированию казахстанского общества. В числе главных задач была названа задача сохранения межнационального согласия на основе равенства прав всех казахстанцев, приоритет политической стабильности как основополагающего принципа государственной политики.

Казахстан – многонациональная страна, и эта многонациональность складывалась не всегда естественно, а зачастую под воздействием принудительных мер Советского государства, как тоталитарного режима. В сборнике “Депортация народов и проблемы прав человека”, изданном в 1998 г. в Алматы, приводятся данные о том, что в Казахстане было размещено 38 % депортированных немцев, 83 % чеченцев и ингушей, 59 % корейцев, 58 % карачаевцев, 55 % балкарцев, 76 % греков, 62 % курдов [1, с. 17]. Всем им нашлось место среди гостеприимного казахского народа. На казахстанской земле нашли свою вторую родину и сотни тысяч украинцев, около полумиллиона которых проживают здесь в настоящее время.

Социальная стабильность, возросший уровень культуры и национального самосознания подводят нас к этапу зрелости, когда мы можем спокойно и взвешенно, без взаимных упреков и обид изучать и анализировать наше прошлое, чтобы вместе творить настоящее и уверенно смотреть в будущее. Чтобы не повторилось то худшее – тоталитаризм и фашизм – что было в прошлом.

Тоталитарная система управления страной, жестокие меры поднятия дисциплины начали широко использоваться уже в первые годы Советской власти. Практически сразу после победы Октябрьской революции В. И. Ульянов-Ленин потребовал “самых решительных драконовских мер поднятия дисциплины” [2, с. 217]. Торжество диктатуры пролетариата и узкокласовая природа нового государства предопределила отношение власти к своим гражданам в зависимости от их имущественного и социального положения, занимаемой политической платформы в годы революции и гражданской войны, принадлежности в недавнем прошлом к небольшевистским партиям и движениям. В декабре 1917 г. В. И. Ульянов-Ленин выдвинул следующий набор наказаний: “конфискацию всего имущества ..., заключение в тюрьму, отправку на фронт и на принудительные работы всем слушникам настоящего закона” [3, с. 176]. С 1918 года были узаконены изоляция классовых врагов в лагерях, а также привлечение лишенных свободы граждан к физическому труду. К концу 1920 г. в РСФСР было 84 лагеря в 43 губерниях. Лагеря решали политические задачи (устрашение миллионов граждан), социальные задачи (давали сытную жизнь, жилье и привилегии лагерным офицерам), экономические задачи (фактически бесплатная рабочая сила для тяжелых и особо тяжелых работ, в отдаленных необжитых местностях, в суровых климатических условиях) великих строек социализма. Набор в лагеря явно превосходил политические нужды и соизмерялся с экономическими интересами. Поэтому количество репрессируемых “антисоветских элементов” планировали, как видно из приложения 1.

Еще в период с 1924 по 1930 г. в Казахстане функционировали 3 изолятора специального назначения, 8 исправительно-трудовых домов и трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей. В мае 1930 г. было принято постановление СНК СССР “Об организации Казахского исправительно-трудового лагеря (КазИТЛар)”, в соответствии с которым Совнарком КазССР принял решение об отводе лагерям особого назначения ОГПУ в безвозмездное бессрочное пользование сплошного земельного массива площадью 110 тыс. гектаров и передаче ряда жилых построек и служб. Местное население выселяли в принудительном порядке. Всего, по данным историко-просветительского общества “Адилет”, в Казахстане функционировало 23 лагеря и лагерных поселений, в том числе спецлагеря.

В 1934 г. Сталин ввел термин “враг народа” и наполнил его конкретным содержанием. “Мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы он был старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями покушается на единство социалистического государства, беспощадно будет уничтожаться” [4].

По официальным данным, количество осужденных к высшей мере наказания в СССР составило 642 тыс. чел., в Казахстане расстреляно свыше 25 тыс. человек, количество осужденных 3 млн 777 тыс. и более 100 тыс. соответственно [5].

Спецлагеря были образованы в 1948 г. специально для политзаключенных, количество которых резко возросло после окончания Второй мировой войны (приложение 2). Эти лагеря отличались особо жестким режимом: работа без оплаты и выходных, в нерабочее время содержание в зарешеченных бараках под замком, на одежде нашиты номера, переписка ограничена двумя письмами в год.

В контингенте лагерей довоенного времени украинцев было достаточно много, но их доля еще более возросла во второй половине 40-х годов, когда лагеря стали пополняться десятками тысяч заключенных – участников национально-освободительного движения из западных областей Украины и республик Прибалтики, которые были насильственно присоединены к СССР в результате передела Европы. В некоторых лагерях доля украинцев доходила до 40 % и более.

“Холодное лето 1953-го” – так называется российский фильм о первой оттепели, о драме узников сталинских концентрационных лагерей. По амнистии на волю выходили первые заключенные, которые отбывали наказание по приговорам “троек” и других противозаконных формирований. И лишь “враги народа”, с несмываемым клеймом 58-й статьи, продолжали валить лес, добывать уголь, строить плотины, каналы, заводы и целые города. И следом за холодным летом 1953-го года надвигалось жаркое кенгирское лето 1954-го.

Джезказганский лагерь и комбинат ГУЛАГа НКВД СССР – Степлаг – созданный весной 1940 года, был неблагонадежным. Вначале в нем сидели офицеры и красноармейцы, которые побывали в плену, писатели и священнослужители, “неправильные” большевики, академики и профессора, космополиты, люди образованные и степенные. После окончания Второй мировой сюда тысячами начали прибывать националисты – те, кто боролся за независимость своего народа и те, кто был обвинен в пособничестве или сочувствии борцам. Эшелоны приходили отовсюду, но самое большее количество – из западных областей Украины и из республик Прибалтики.

По состоянию на 10 июня 1954 года в Степлаге отбывали срок 20658 узников (16677 мужчин и 4021 женщин). Национальный состав заключенных: 9596 украинцев, 2690 литовцев, 2661 русский, 1074 латыша, 878 белорусов, 873 эстонец, 379 поляков, 359 немцев, 291 казах, 208 молдаван, 204 узбека, 174 еврея, 134 армянина, 132 грузина, по 124 татар и чеченцев, 108 азербайджанцев, а также туркмены, ингуши, китайцы, таджики, корейцы, японцы, румыны, греки, финны, карелы, афганцы, турки, киргизы, башикиры [6].

Кроме Кенгира, самого большого отделения, Степлаг имел отделения на марганцевом руднике Джезды, в городе Балхаше и во многих совхозах, служивших подсобным

хозяйством лагеря. Лагерь этот был государством в государстве: имел свои дороги, паровозы, самолеты, сеть магазинов и других социальных объектов. Администрация лагеря выделяла вольнонаемным жилье, регистрировала браки и разводы, выдавала свидетельства о рождении и смерти. Степлаг имел свои войска, свою прокуратуру и даже собственный суд. Лагерь был, казалось, могуч и несокрушим: даже ЦК Компартии Казахстана вынужден был считаться с его начальником, потому что в его руках была огромная дармовая рабочая сила, материальные и финансовые ресурсы.

Как получилось, что, казалось бы, окончательно раздавленные этой машиной, сломленные физически, загнанные за колючую проволоку и тщательно охраняемые тысячи заключенных в мае 1954 года восстали, захватили власть и удерживали ее в течение 40 дней?

После смерти Сталина и ареста Л. Берии у миллионов советских зеков затеплилась надежда. Но стража, первой почуяв свою уязвимость и завтрашнюю ненужность, свирепствовала энергично и обстоятельно. “Шалили” даже рядовые охранники – то там, то здесь пристрелят зазевавшегося, шагнувшего влево или вправо, опьяненного предчувствием скорого истечения своей “десятки”. Доносились слухи об автоматных очередях по колоннам заключенных в Карелии, Экибастузе, Омске. С замиранием сердца вслушивалась лагерная Сары-Арка в рассказы о волынках – случаях неповиновения и протеста заключенных в Балхаше, на Чурубай-Нуре...

Обо всех событиях узники узнавали из лагерной почты. Из одной записки они узнали об убийстве узника-евангелиста Сысоева из третьей мужской зоны. Евангелист работал на деревообрабатывающем заводе в небольшой будке вблизи предзонной полосы. Как и все верующие, был трудолюбивым, молчаливым, терпеливо сносил все тяготы лагерного быта. Он никогда и никому не рассказывал, за что получил 10 лет каторги. На день убийства он уже отсидел 9 лет и 9 месяцев. Мечтал о скором освобождении. Без какой-либо мысли о побеге он, замерзнув во время работ, зашел за будку возле “запретной зоны”, и там его подстрелил солдат из вышки. Поскольку убитый упал за несколько метров от предзонной полосы, то конвоиры сразу же оттянули тело убитого в запрещенную зону на глазах у многих заключенных, которые с кирками и лопатами подбежали к конвоирам. Заключенные заявили, что сами отнесут своего товарища в лагерь, чтобы там похоронить его. Прибывший на место события офицер не разрешил этого сделать. К вечеру весть об убийстве распространилась по всем зонам Кенгира, а утром узники второй и третьей мужских зон не вышли на работу. Лагерь на два дня забастовал, на работу людей выгнали только на третий – когда сказали, что всех бастующих приравняют к отказникам (отказник вместо 500 граммов хлеба получал 250). Зачинщиков бунта посадили в тюрьму и в карцер.

Лагерная почта вызывала все большую тревогу. Сообщалось, что конвоир застрелил заключенного-китайца. Убийство было спровоцировано: конвойный бросил из вышки пачку махорки, как бы в подарок ему. И когда китаец хотел дотянуться до нее и шагнул в запретку, конвоир выстрелил. На следующий день две мужских и женская зоны не вышли на работу. Чекисты знали о существовании тайного лагерного комитета сопротивления, но такая слаженность и организованность зеков была для них неожиданностью. Забастовка продолжалась 4 и 5 февраля. Несмотря на разветвленную сеть стукачей и провокаторов, никакой информации о руководителях организованного сопротивления получить не удалось. И тогда политических решили “разбавлять” уголовниками.

Таким образом, чисто политические лагеря, каким был Степлаг, прекращали свое существование. С одной стороны, это означало смягчение режима, с другой – это была попытка разрушить монолитность, сплоченность политических заключенных. И в начале апреля в Кенгирское отделение Степлага на шесть тысяч строителей джезказганских фабрик прибыло больше четырехсот уголовников – не так много в количественном отношении, но существенно в моральном плане. Шпана пришла со своими привычками и порядками.

Уголовники выдвинули ультимативные требования: работать не будем, а будем руководить вами, несознательными политическими. Однако не получилось. После 20-дневного карантина администрация выпустила их в зону. Уголовники захотели женской

любви, и конвойные им сказали: все лагерные женщины – ваши. Несмотря на то, что мужчинам вход в женскую зону из мужской был запрещен: между зонами была огневая линия.

Политические, будучи в массе своей людьми интеллигентными, ограничивались заочными романами и перепиской – встречи были редкостью. То было в основном наивное, возвышенное и искреннее общение: парни пересылали свои собственные стихи, в которых признавались в любви и воспевали своих любимых, девушки передавали вышитые платки и кисеты. Из воспоминаний Юрия Грунина: “Да и переписывались немногие – в основном из числа так называемых “придурков” – писарей, чертежников, художников. Работягам было не до того. Уголовники оказались ребятами решительными, вечным своим чутьем угадавшими послабление” [7].

У лагерной администрации был свой расчет: уж очень требовалось уничтожить подпольный лагерный комитет сопротивления, и создавались условия, чтобы руководители комитета обнаружили себя. Но сопротивление оказалось массовым. Между политическими и уголовниками в конце концов был достигнут компромисс.

София Корчинская считает, что “...поводом к началу восстания в мае месяце стало сообщение о том, что большую группу узников лагерной тюрьмы перевели в карцер женской зоны. Все знали, что так поступают с теми, кого собираются казнить. Подпольный лагерный комитет третьей лагерной зоны решил освободить обреченных” [8].

Операция по освобождению началась 16 мая 1954 года. Заключенные пытались ломать стены, но их оттеснили солдаты. Штурм повторился, и поздно вечером заключенные сделали проломы во внутренних стенах, отделяющих лагерные пункты, и соединились с женской зоной.

Утверждение о том, что уголовники установили везде в лагере свои порядки, не вполне подтверждается архивными документами: как ни трудно приходилось, общее руководство осуществляли политические, но в сотрудничестве с уголовниками – это видно по предыдущим статьям осужденных за участие в восстании.

В руках восставших заключенных оказались все бараки и землянки, хозяйственные склады. Через два дня пала лагерная тюрьма. На “свободу”, то есть в зону из следственного изолятора – лагерной тюрьмы – вернулся Капитон Кузнецов. Хоть в Кенгире он был новичком, но его историю “прошлой жизни” – боевого офицера, подполковника Советской Армии и орденосца, прошедшего фашистские лагеря, приговоренного немцами к смерти – знали многие.

Конечно, политической забастовки начальство испугалось больше, чем обычного бунта. “Восстание плоти” можно было бы подавить без всякого снисхождения, но после того, как руководить событиями стали политические, Кенгирские события приобрели вид организованной стачки”.

Для демонстрации мирных намерений над зоной подняли белый флаг. В состав комиссии вошли заключенные Макеев, Батаян, Чинчиладзе, Бершадская, Кузнецов и Шиманская. Комиссия направила письмо и в ЦК КПСС, требуя приезда высокого начальства и рассмотрения жалоб заключенных. А жалобы были на произвол администрации, издевательства надзирателей. Состав комиссии менялся, но требования оставались прежними.

Из Москвы сразу же прибыли заместитель министра внутренних дел СССР Сергей Егоров и начальник ГУЛАГа Иван Долгих, которые провели переговоры с восставшими. Под давлением заключенных представители власти пообещали выполнить часть требований. Но заключенные не поверили им и требовали встречи с Н. Хрущевым или Г. Маленковым. Москва не дала согласия, и восстание продолжалось. Была организована усиленная охрана стратегических объектов и все 40 дней в лагере был порядок, штаб контролировал ситуацию и обеспечивалось бесперебойное питание.

“В целях сопротивления и воспрепятствования вводу войск в зону обвиняемые создали центральный штаб сопротивления и штабы сопротивления по лагерным пунктам, военный

отдел, ударную группу при центральном штабе, мастерские для изготовления холодного оружия. Организовали так называемую “службу безопасности”, при ней – тюрьму, систему караулов, пикетов, постов [9].

Все эти 40 дней, которые потрясли ГУЛАГ, между восставшими и администрацией шли переговоры, ход которых передавался администрацией по радио.

Когда выдворенная лагерная администрация установила громкоговорители на сторожевых вышках и из них все время раздавалось “выходите на работу”, одной из первых задач восставших был монтаж радиоузла. Мастер-умелец из Токмака Анатолий Кострицкий изготовил радиотрансляционную установку, которую установили в третьем бараке женской зоны. Передачи велись по внутренней сети всех четырех лагерных пунктов от 7 утра до 10 вечера. В архивах КГБ сохранились стенограммы некоторых радиообращений заключенных. Вот одно из них: “Товарищи солдаты! Не стреляйте в нас! Не заходите к нам в зону и не провоцируйте других! Не слушайте офицеров, не слушайте бериевских бандитов. Пусть не думают, что сдадимся им, что сломят наш дух. Мы лучше умрем от голода. ... Солдаты! Мы не допустим, чтобы над нами издевались. Мы не преступники, мы такие же люди, как и вы. Не марайте своих рук кровью безвинных мужчин и женщин, как это сделали офицеры. Требуем прекращения насилия!” Радио Кенгира сообщало, где и когда состоится митинг, собрание, совещание, когда состоится церковная служба. Налажена была также телефонная связь. А когда отключили электричество, с машины на хозяйственном дворе сняли генератор, отыскивали трехфазный двигатель, а в кузнице выковали большое колесо с ручкой, чтобы вращать генератор. Но постоянно крутить колесо было тяжело, и позже заключенные сконструировали гидротурбину. Благо через хозяйственный двор проходил водопровод, который под давлением подавал воду в город Джекказган. Отключить его было не просто и потому Кенгир был освещен.

В кузнице изготавливали оружие – пистолеты, сабли, копья, топоры, финские ножи, гранаты. В лабораториях лагеря наладили производство взрывчатки и водорода. Затем водородом наполнили воздушный шар, склеенный из простыней и бумаги. На нем повесили громадный плакат с обращением ко всему миру.

Восставшие не сдавались. Заключенные пели песни и впервые за многие годы почувствовали себя людьми. А глотнув воздух свободы и зная о неминуемой расплате за это, шли до конца, готовясь к смертным приговорам.

Не достигнув результатов методом переговоров, 24 июня, на рассвете по указанию министра внутренних дел СССР С. Круглова, в лагерь прибыли войска в составе пехотного полка и пяти танков Т-34.

Когда танки проломили стены и появились в лагере, почти все заключенные сбежали на площадь перед столовой. И женщины стали стеной перед мужчинами, надеясь, что танки не пойдут на безоружных людей. Но танки не остановились.

О том, сколько всего людей погибло под гусеницами танков и под пулями, точно не известно. Документов об этом не обнаружено. Имеются лишь свидетельства очевидцев, очень неполные и несходящиеся. Называется цифра семьсот человек, но и Ю. Грунин, и А. Солженицын считают их заниженными.

После подавления восстания членов комиссии судили главным образом как уголовников, чтобы слухи о восстании не носили политической окраски.

Всего было расхищено государственного имущества на сумму 36908 рублей, а общий ущерб, нанесенный государству в результате беспорядков и бандитизма, включая ущерб от невыхода на работу и разрушения строений и имущества, составил 4708621 рубль [9].

11 заключенных из членов лагерной комиссии приговорили к высшей мере наказания. Москва не утвердила приговор, дело пересмотрели и смертную казнь оставили девяти. Второй раз Москва не дала согласия. Новый пересмотр: к уголовной ответственности привлечена дополнительно лагерная администрация. Третий суд присудил: четверем руководителям, в том числе К. Кузнецову – расстрел, остальным восьми – по 10–15 лет каторги дополнительно. Потом высшую меру Кузнецову заменили 25 годами.

... после подавления восстания начальник лагеря впервые обратился к заключенным со словом “товарищи”.

О подпольном лагерном комитете 50 лет было известно не так много. В 2004 году в московской газете Международного общества “Мемориал” появилась статья Н. Формозова [10], в которой представлен новый взгляд на события полувековой давности. И представлено ряд действующих лиц – украинцев, игравших в Кенгирском восстании ключевые роли:

1. Емельян Силович Суничук, православный священник, воин Украинской повстанческой армии (УПА);

2. Михаил (Герш) Келлер, он же Василь Пендрак; воин УПА;

3. Виталий Петрович Скирук, член Организации украинских националистов (ОУН);

4. Михаил Сорока, член ОУН;

4. Анатолий Петрович Костицкий, малолетний узник фашистских лагерей, освобожденный американцами;

5. Валентин Иващенко – сведений нет;

6. Анатолий Задорожный – штрафник из Экибастуза, известный смельчак, организатор отпора блатным в Карлаге, в Кенгире – командир сопротивления в 3-м лагерном пункте.

Кроме того, уже известное действующее лицо – Капитон Иванович Кузнецов, председатель лагерной комиссии – представлен в новом свете, как свидетель, начавший давать исчерпывающие показания на следующий день после ареста. “... я остался в комиссии ... в целях возможной дачи информации вам о положении в лагере любыми путями, о чем сообщил вам через прокурора Степлага ... Не прошу при определении (степени вины) быть неблагодарными за мое некоторое усердие, которое было очевидным для всех офицеров администрации лагеря и состава вашей комиссии ... Сообщение написано мною собственноручно на 43 листах и сорока трех страницах в течение 27–28–29 июня 1954 года по моему собственному желанию” [11].

Упомянутые выше заключенные – украинцы – были не рядовыми участниками событий. Так, Емельян Суничук был членом лагерной комиссии заключенных. А. Ф. Макеев цитирует запомнившуюся фразу Суничука: “Нас учили и катаном махать, и из пулемета стрелять”.

Приговоренный за участие в Кенгирском восстании к смерти Виталий Петрович Скирук (лагерное прозвище “Витя-Ус”) во время восстания возглавлял “сыскное бюро”. Он написал просьбу о помиловании К. Е. Ворошилову, тогда Председателю Верховного Совета СССР. Просьба была удовлетворена, но еще 10 лет было отдано лагерям. Освобожден и вернулся в Луцк в 1966 году. После инсульта далеко из города не уезжал. Скончался 13 марта 1998 года.

Приговоренный к смерти и расстрелянный 18 сентября 1956 года, уже после XX съезда КПСС, Михаил Келлер возглавлял “военный отдел” службы безопасности, руководил строительством баррикад, (“... имел на вооружении финский нож, самопал и гранату” – из приговора). Он был приговорен к расстрелу, но не выдал подпольных руководителей восстания, в частности Михаила Сороку.

Несмотря на то, что властям не удалось его “притянуть” к восстанию, Михаил Сорока так и не вышел на свободу. В Мордовии он сидел в одной зоне с известными правозащитниками – Юлием Даниэлем, Юрием Галансковым, Александром Гинсбургом. Рассказывали, что его, уже старика, возили во Львов, показывали горящие окна в квартире сына: “Смотри, там сын, внуки, которых ты не видел, – подпиши отречение, и ты идешь к ним”. Он не подписал. М. М. Сорока умер в лагере 17 июня 1971 года [12].

Н. Формозов упоминает и о других видных ОУНовцах, состоявших в подпольном комитете восставших, но, к сожалению, не может назвать их имен.

Кенгирское восстание, и участие в нем украинских националистов описано в нескольких книгах, в том числе в “Архипелаге ГУЛАГ” А. Солженицына. О восстании написаны сотни газетных и журнальных статей, но научных аналитических публикаций не так много. Почему о том, что подпольный комитет ОУН–УПА по сути руководил восстанием, стали вспоминать только через 50 лет? Ответ на этот вопрос можно найти, если

рассматривать проблему шире, не ограничиваясь только полуправдой Кенгирского восстания, пусть даже самого массового и самого продолжительного за всю историю лагерей тоталитарного режима.

Одна из причин заключается в том, что украинскому национально-освободительному движению нужно было создать ореол позорного, предательского движения, связанного с сотрудничеством с фашистами и истреблением своего народа. Но выдающийся теоретик и практик партизанского движения Эрнесто Гевара (Че) доказал на собственном опыте что никакая партизанская война невозможна без массовой поддержки местного населения. А украинские повстанцы против самого могущественного тоталитарного режима XX века продержались в подполье более 10 лет.

Движение ОУН–УПА ура-патриоты всех мастей рассматривали (и продолжают рассматривать) вне контекста передела Европы в середине XX столетия, когда СССР резко менял политических союзников. Это национально-освободительное движение служило предлогом, чтобы посеять вражду между Украиной и Россией.

Другим, не менее серьезным ярлыком, навешиваемым на движение ОУН–УПА, было обвинение украинских националистов в шовинизме, представление ОУН как этнической организации.

И если говорить о героизме движения сопротивления в сталинских лагерях было нежелательно в целом, так как это бросало тень на историю советской страны, “где так вольно дышит человек”, то причислять украинских националистов к героям Кенгирского восстания нельзя было вдвойне. Гораздо удобней все свалить на “бузу” уголовного элемента. Всей Второй мировой войне необходимо было навязать сталинско-брежневскую концепцию, исходя из которой мы обязаны оценивать историю Украины, осуждая украинских националистов, как предателей. Но время, остановившееся в документах, и людская память все расставляют по своим местам.

О подпольном штабе упоминал автор “Архипелага”. “Вошли ли в эту Комиссию (имеется в виду лагерная комиссия) главные, подлинные вдохновители восстания? Очевидно, нет. Центры, а особенно украинский... очевидно, остались сами по себе. Михаил Келлер, украинский партизан, с 1941 года воевавший то против немцев, то против советских, а в Кенгире публично зарубивший стукача, являлся на заседания молчаливым наблюдателем от того штаба” [13]. “Несомненно, – считает Измаил Драк, очевидец и участник кенгирских событий, – главной силой восстания, наиболее сплоченной и организованной, были украинцы во главе с идейными бойцами повстанческого движения Западной Украины. Получилось так: затеяли восстание уголовники, воры, затем во главе оказались в основном русские (Кузнецов, Макеев, Слученков), а практически везде были украинцы. Михаил Келлер? Да, именно он и руководил всей обороной. Его авторитет среди украинцев и вообще в лагере был непререкаем. На переговоры с приехавшими генералами украинцы не шли, а к К. Кузнецову М. Келлер приставил на всякий случай верных своих ребят. Солженицын пишет: “Два телохранителя – два огромных украинских хлопца, всё время сопровождали Кузнецова, с ножами на боку. Для защиты? Для расплаты?” Солженицын прав и в том, что Михаил Келлер с 1941 года был украинским партизаном. Однако...” [14].

И. Драк высказывает (и, как видно станет далее, небезосновательно) предположение, что этим украинским партизаном был ... еврей. Впрочем, это самая загадочная фигура из всех участников Кенгирского восстания.

Еще до восстания, когда Михаила Келлера привезли с рудника в Кенгир, он пришел в барак к заключенному № СХ-962 Измаилу Драку и другим еврейским парням поговорить. Он был немногим старше их, и ему явно хотелось с ними сблизиться. Он сказал им, что он еврей, да они, говорит Драк, и по виду это сразу определили. Узнали его историю. Родился Миша Келлер в традиционно еврейской семье, в детстве учил иврит, в 13 лет прошел бармицву. Драк говорит, что именно из уст Келлера он впервые в жизни услышал еврейскую молитву. Отец Миши был врач, и когда зародилось украинское повстанческое движение, его как нужного специалиста захватили в городе и увезли в свои пределы вместе с семьей. Так

врач-еврей оказался в украинском войске, там Миша и вырос, участвовал в боях “то против немцев, то против советских”, а после войны попал в лагерь по 58-й статье как украинский националист-бандеровец.

И. Драк отмечает у А. И. Солженицына неточность: не стукача Келлер зарубил в Кенгире, а бывшего украинского полица, прислужника немецких оккупантов, в котором он узнал убийцу своего отца. Впрочем, может быть, тот был и стукачом, но убил его Келлер не за стукачество, а по более веской для него причине [14].

Другая версия биографии Михаила (в смертном приговоре имя Герш) Келлера представлена в статье Н. Формозова, опубликованы мемуары Макеева. Член лагерной комиссии Макеев так характеризует его: “Он был абсолютно бесстрашным. При тревоге действует медленно, как-то подчеркнуто неторопливо”. О его смелости вспоминает и Анна Михайлевич: “Ничего не боялся, все делал в открытую. В 1950-м году прилюдно зарубил известного стукача-повара”.

“Но привел господь в сабантуй (так на казахский лад назвали восстание сами восставшие) по настоящему влюбиться. Келлер ни на шаг от своей девушки не отходил. Из камеры смертников передал возлюбленной несколько записок, написанных кровью на обрывках бумаги. В них раскрывает свое настоящее имя – Василь Пендрак, родом из села Огерци в окрестностях Лиско (теперь территория Польши). Из родственников был в живых только стрий, дядя по отцу. Очень надеялся на встречу с любимой, но никого не выдал. Душа украинского подполья, автор кенгирского гимна Михаил Сорока, как и другие видные ОУНовцы, к делу о восстании пристегнуты не были, хотя этого очень хотели власти” [10]. Может, украинец Василий Пендрак, которого все знали в лагере как еврея, был усыновлен еврейской семьей, отсюда и знание молитв и обычаев? – Теперь уже об этом вряд ли кто узнает.

Так или иначе, эти подробности – яркий штрих к еврейско-украинским отношениям. О них размышляет С. Ицкович из Чикаго.. “Еврей зарубил в лагере украинца и даже после этого остался у украинцев одним из самых авторитетных руководителей. Ну, не чудо ли? Нет, наверное, не чудо. Такова жизнь, и она учит. Видно, не полицаи верховодили в украинской общине. Конечно, были там люди всякие, в том числе и агрессивные антисемиты, но крепкое идейное руководство осуществлялось совсем другими национальными лидерами. Вообще же на национальной розни более всего пытались сыграть золотопогонные партийные стратеги из лагерного начальства” [14].

Еще два штриха об украинско-еврейских отношениях в Кенгирском отделении Степного лагеря из статьи С. Ицковича.

У одного из еврейских ребят украли сапоги. Вора обнаружили. Друзья всей компанией зашли утром перед разводом в его барак и потребовали вернуть сапоги. Слово за слово – началась драка, которая была прервана сиреной на развод. После этого пошли по зоне нехорошие разговоры о евреях, пришедших к украинцам “качать права”. Дело в том, что вор был из украинцев, полублатной, хотя статью имел политическую. Говорили, что он бывший полицай, из немецких прислужников, что его руки в еврейской крови. Вот он и его дружки и пошли по баракам объединять украинцев, и уже не о сапогах шла речь, а о евреях. Ощувив серьезную опасность, ребята пошли к самым авторитетным украинским лидерам (ими были идейные бандеровцы) для выяснения отношений: неужели украинцы станут на сторону вора? Вы же политические, как и мы, не так ли? Долго убеждать не пришлось, и по всем баракам пронеслась среди украинцев весть, что вора побили правильно и не лишне добавить [14].

Почти все евреи в той (лагерной) компании были из Украины, многие из Западной, так что с украинцами их в лагере по сути ничего не разделяло. Во многом была общая судьба. С. Ицкович приводит два отрывка из воспоминаний репрессированного Феликса Бергера. “Во Львове была особая обстановка. Повальные аресты местных за украинский (а кого и за польский) национализм, целые семьи вывозились в Сибирь, Казахстан... Мимо тюрьмы “на Лонского” ночью нельзя было пройти – слышны были крики – били допрашиваемых”. Это из впечатлений до ареста, а вот – когда попал в страшную камеру, забитую до отказа людьми:

“В подавляющем большинстве – местные крестьяне, есть священники. Есть 12-летний. Есть 70-летний... В прессе об этих людях писали плохо, в действительности – люди как люди. Встретили меня, еврейского парня, сына военного, бывшего комсомольца, очень хорошо. Кормили, жалели. Жалели даже больше, чем своих, как когда-то крестьяне жалели добрых “паничей”. Удивлялись: “Уже своих берут?! Ну, значит, скоро конец им”. (А до конца оставалось более сорока лет). На Пасху отче освятил меня со всеми, угостил куличом” [14].

Еще один эпизод о межнациональных взаимоотношениях в восставшем Кенгире. В “Сообщении ... на 43-х листах ...” К. Кузнецов, в частности, свидетельствует: “Слученков, как член комиссии (фронтовик, попавший в плен, и за это в лагерь, приговоренный за участие в восстании к расстрелу, который заменили 25 годами), был вызван к вахте 1-го лагерного пункта старшим лейтенантом Магазинниковым, который якобы от генералов Долгих и Бочкова сделал ему предложение спровоцировать столкновение в лагере между русскими и украинцами, добиться при этом 10-12 трупов для оправдания ввода вооруженных сил в лагерь, за что Слученков получит свободу и избранное им место жительства в любом городе Советского Союза” [11]. Как ответил Слученков? Он сделал по-своему: не предупреждая Кузнецова, обошел все три лагерных пункта и в каждом рассказал о полученном им предложении. Хотя знал, что этого ему не простят. Так и вышло. Энгельс Слученков писал из мест заключения до 1980-го (!) года, а затем связь оборвалась. Портрет Слученкова, сохраненный А. Михайлович и В. Скируком, находится в Музее и общественном центре им. Андрея Сахарова в Москве [10].

Нет ничего тайного, что бы не стало явным, и нет таких архивов, в которых можно было бы похоронить людскую память. Это относится и к замалчиванию правды о движении ОУН–УПА, и к замалчиванию голодомора в Украине и непризнанию его фактом геноцида украинского народа, о некоторых победных, но не славных достижениях Советской Армии. Это относится и к замалчиванию международного статуса ГУЛАГа, охватывавшего в послевоенные годы не только СССР, но и ГДР, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и Югославию. Только в ГДР было создано 11 специальных концентрационных лагерей, два из которых – Заксенхаузен и Бухенвальд – на месте бывших нацистских концлагерей. Все они непосредственно подчинялись НКВД СССР.

Обвинение УПА в сотрудничестве с фашистами напоминает крик “держите вора”. Не в последнюю очередь потому, что при этом полностью игнорируется тот факт, что ОУН–УПА не были союзниками вермахта, а Красная Армия в период с 1939 по 1941 год была именно таким союзником. Причем и де-факто, и де-юре.

УПА не проводила общих парадов с нацистским вермахтом, а Красная Армия это делала, предварительно обучив будущих его генералов высшему военному искусству в Академии Генерального штаба. Советские кинофотодокументы 1939 года демонстрируют такой парад в Бресте, где вместе маршировали немецкие и советские солдаты, а парад принимали с немецкой стороны – генерал Гудериан, с советской – комбриг Кривошеин. Аналогичные совместные акции Красной армии и вермахта состоялись также в Ковеле и Пинске.

Германия в период войны на Западе (1939–1941) получала большую поддержку от СССР стратегическими материалами, сырьем, топливом. Разгром Польши был делом рук двух стран. На одной из фотографий того времени изображен тогда еще генерал-майор Чуйков (будущий маршал и герой Сталинграда) в окружении офицеров вермахта, когда уточнял с немцами на карте план общих действий против поляков. Делал это он, сидя под большим портретом Сталина. Сам В. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР после описанных событий, сказал: “Под общими ударами немецких и советских войск упала Польша, уродливое детище Версальского мирного договора”. В архиве немецкого МИДа сохранились поздравительные телеграммы Молотова по случаю взятия вермахтом Варшавы и Парижа. Советский ВМФ провел по Северному морскому пути из Атлантики в Тихий океан нацистский корабль “Комет”, который успешно топил там британские суда. А товарищ

Сталин в Кремле по случаю приезда рейхсминистра Риббентроппа провозглашал тосты в честь Гитлера и Гимmlера, которого называл гарантом порядка в Германии.

Документальное подтверждение фактов из этого ряда исходит в основном не из Украины. Так, в статье С. Ковалева [15] доказана реальность того факта, что с первых дней октября 1939 года немецкий военно-морской флот пользовался секретными базами снабжения в бухте западнее Мурманска. На этих базах немецкие суда прятались от английских кораблей. База просуществовала до сентября 1940 г., когда командующий ВМС Германии адмирал Редер поблагодарил советскую сторону за предоставленную возможность.

Российские историки М. Мельтюхов, В. Невежин и И. Павлова независимо друг от друга и на разных материалах доказали, что Сталин готовил нападение на Германию, но его опередил Гитлер [16].

Пикантная деталь отмечена в книге российского военного историка Ю. Рубцова [17]. На Ялтинской конференции президент США Рузвельт, которому представили Л. Берия, спросил у Сталина, кто это. Сталин серьезно ответил: “Это наш Гимmlер”.

С другой стороны, остается в тени тот факт, что УПА до определенного времени поддерживала отношения с отрядами красных партизан С. А. Ковпака, координируя совместные действия против общего врага – фашизма. Это факты, мимо которых нельзя пройти. Их оценку каждый должен дать сам.

В 2005 году, выступая по случаю 20-летия “перестройки”, историк Ю. Афанасьев отметил, что вся советская история сфальсифицирована на 90 %. Движение сопротивления советскому тоталитарному режиму в сталинских лагерях – часть этой истории. Если делу уменьшения процента этой фальсификации послужит и данная статья, то можно считать, что цель ее будет достигнута.

Список использованных источников

1. *Материалы семинаров, “Круглого стола” и конференции по программе 1998 года “Содействие становлению демократии путем анализа трагических страниц истории и причин краха советского тоталитаризма”*. – Алматы: Жан, 1998. – 108 с. 2. *Ленин В. И.* Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики. / Полн. собр. соч. – Т. 36. – М., 1977. – С. 217. 3. *Ленин В. И.* Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и необходимости в связи с этим мерах. / Полн. собр. соч. – Т. 35. – М., 1977. – С. 176. 4. Правда. – 7 апреля 1989 г. 5. Рубрика “Вопрос-ответ” // Аргументы и факты. – 1990. – № 5. – С. 8. 6. *Центральный государственный архив Республики Казахстан*. 7. *Быков Д.* А зеки хотели любви // Огонек. – 1999. – № 35 (4622). 8. *Борис М. О.* Невільниця Софія: Повість з народних уст. – Івано-Франківськ: Просвіта, 1992. – 80 с. 9. Из приговора Выездной сессии Верховного Суда КазССР(л/д 250250). 10. *Формозов Н.* Кенгир: 40 дней и 50 лет // 30 октября. – 2004. – № 4. 11. *Восстание в Степлаге*. Публ. А. И. Кокурина // Отечественные архивы. – 1994. – № 4. – С. 33–82. 12. *Хроника текущих событий*. – № 20. – С. 238. 13. *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг. – М.: Вагриус, 2008. 14. *Ицкович С.* Комсомольцы-добровольцы // <http://www.vestnik.com/issues/2004/0121>. 15. *Ковалев С.* Базис Норд. Миф или реальность? // Морской сборник. – 2007. – № 11. 16. *Хмельницкий Д.* О пугливом Сталине и научно-историческом патриотизме // Правда Виктора Суворова: переписывая историю Второй Мировой. – М., “Яуза”, 2007. – С. 10. 17. *Рубцов Ю.* Маршалы Сталина: от Буденного до Булганина.

Приложение 1

1. Решение путем опроса Бюро ЦК КП(б)К о дополнительном увеличении количества репресслируемых антисоветских элементов 19 ноября 1937 г. Строго секретно Особая папка

2. На основании решения ЦК ВКП(б) от 17 ноября с.г. увеличить дополнительно количество репресслируемых антисоветских элементов по:

Области	По 1-й категории на человек*		По 2-й категории на человек**	
	Первоначальный план	Утвержденный план	Первоначальный план	Утвержденный план
Алма-Атинской	400	300	600	500
Южно-Казахстанской	150	150	400	300
Актюбинской	100	150	-	150
Кустанайской	200	200	300	250

Западно-Казахстанской	-	-	200	200
Северо-Казахстанской	200	200	500	550
Карагандинской	200	250	400	300
Восточно-Казахстанской	400	400	400	350
Резерв	275	350	200	400
	1925	2000	3000	3000

Подписи семи членов бюро.

* 1 категория – расстрел.

** 2 категория – концлагерь.

Ф. 708. Оп.1. Д. 53.Б. Л. 12. Таблица подготовлена составителями на основе подлинного документа в котором первоначальные цифры были выправлены сверху чернилами.

Источник: www.karlag.kz

Приложение 2

28 февраля 1948 г. Сов. секретно

Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 416-159се на Министерство Внутренних Дел СССР возложена организация особых лагерей в районе Колымы, на Дальнем Севере, Норильске, Коми АССР, в районе Караганды и в Темниках Мордовской АССР для содержания осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. Содержание в особых лагерях заключенных за другие преступления запрещено.

Источник: www.karlag.kz

Юрий Осик

УКРАИНЦЫ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОЙ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА

В статье исследуется роль украинцев в движении сопротивления сталинской тоталитарной системе на территории Казахстана. Внимание автора привлекло Кенгирское восстание 1954 г.

Ключевые слова: Казахстан, украинцы, движение сопротивления, репрессивная политика, лагерь.

Yuriy Osik

UKRAINIANS IN THE RESISTANCE OF STALIN'S REPRESSIVE POLICIES IN KAZAKHSTAN

The article examines the role of the Ukrainian resistance movement in the Stalinist totalitarian system in Kazakhstan. The attention garnered by Kengir uprising in 1954.

Key words: Kazakhstan, Ukrainian, Resistance Movement, repressive policies, the camp.